

О. В. Ртищева

<https://orcid.org/0000-0003-2861-471X>

Символическое содержание контекста русской провинции в творчестве Е. Гришковца

Статья посвящена рассмотрению творчества современного российского писателя и драматурга Е. Гришковца сквозь призму понимания семантического пространства русской провинции, характеризующейся устойчивой стилистикой жизни с установкой на трансляцию естественных частных ценностей, во многом связанных с дифференциацией «столицы» и «окраины».

В автобиографической повести «Реки», включающей различные зарисовки и короткие истории из жизни самого писателя, раскрываются возможности конституирования частного жизненного пространства с учетом ценностного содержания провинциальной культуры малого города. Рассмотрение символических образов, формирующих ключевые микроконтексты повествования, способствует выявлению ценностных детерминант произведения.

В символических образах реки, Транссибирской магистрали, медведя закрепляются ассоциативные ряды, которые способствуют формированию особой рефлексивной атмосферы произведения. Истории плавно перетекают из одной в другую, формируя контекст, насыщенный переживаниями и ощущениями главного героя. Автор пишет о простых и, казалось бы, банальных вещах, но с такой эмпатией, что настраивает читателя на бескомпромиссную доверительность. Во многом эта цель достигается благодаря творческому приему, который можно определить как «поток сознания». Увлеченность чувственным выражением смысла порождает особый язык, характеризующийся незавершенностью в построении высказываний, что формирует контекст символических ассоциаций, значимость которых определяется личностными переживаниями героя.

В естественной манере повествования отчетливо проявляется стремление писателя к открытию ценностного содержания отдельных историй, определяющихся контекстом реальной жизни в ее непосредственном воплощении. И в этом ключе обращение автора к образам, символизирующим характер жизни провинциальной культуры малого города, является оправданным в связи с актуализацией ценностей частной жизни, наполненность которой эмоциональными переживаниями формирует контекст подлинных смыслов, определяющих самоидентификацию человека.

Ключевые слова: провинциальная культура, естественные ценности, самоидентификация, частная жизнь, символическое содержание образа, ассоциативный ряд.

O. V. Rtishcheva

Symbolical Content of the Russian Province in E. Grishkovets' Works

This article is devoted to the creative activity of modern Russian writer and playwright E. Grishkovets through a prism of realizing semantic space of the Russian province which is characterized by steady life stylistics with the idea on transferring natural private values in many respects connected with differentiation of «capital» and «suburb».

In the autobiographical story «Rivers» including various sketches and short life stories of the writer, E. Grishkovets reveals possibilities for institutionalization of private vital space taking into account the valuable content of provincial culture of a town. Considering the symbolical images forming the key micro contexts of the narration provides identification of valuable determinants of the work.

The associative arrays are fixed in symbolical images of the river, Trans-Siberian Railway and the bear promoting the formation of the special reflexive atmosphere of the work. Stories smoothly flow from one in another, forming the context sated with experiences and feelings of the main character. The author writes about simple and, apparently, banal things, but with such empathy that he adjusts the reader on uncompromising credibility. In many respects these objectives are achieved thanks to creative reception which can be defined as «a consciousness stream». The enthusiasm for sensual expression of the sense generates the special language which is characterized by incompleteness in creating the statements generating a context of symbolical associations, the importance of which is defined by personal experiences of the character.

In the natural manner of the narration the writer's aspiration is distinctly presented to reveal valuable content of some stories, which are defined by the context of real life in its direct embodiment. And in this way the author's appeal to the images symbolizing character of provincial culture life of a small town is justified, in connection with updating of private life values, which completeness with emotional experiences forms the context of the true meanings defining the person's self-identification.

Keywords: provincial culture, natural values, self-identification, private life, symbolical content of the image, associative array.

Обращаясь к проблеме определения содержательных характеристик русской провинции сквозь призму современной художественной культуры, следует акцентировать внимание на трансляцию устойчивых ценностных установок, связанных с дифференциацией «столицы» и «окраины». Их полярное положение диктуется самим принципом локализации культуры, что формирует ценностное содержание малых городов современной России. В этом контексте бытования провинциальной культуры сохраняется ее устойчивая стилистика жизни с установкой на естественные частные ценности в противопоставлении «столице», что актуализирует значимость установления границ, а возникновение потребности в их преодолении лишь только подчеркивает дистанцированное положение провинции. В этих границах фиксируется особое семантическое пространство провинциальной культуры, которая «не ограничивается городскими стенами и не является просто умозрительным пространством. Отношение к провинции эмоционально окрашено: ее любят, жалеют, презирают, превозносят, проклинают, ею восторгаются, ее стремятся переделать. Подобное равнодушие, прежде всего, порождено очеловеченностью провинции, поскольку ее основными атрибутами выступают человеческая жизнь, люди, социальные отношения и только затем местоположение, которое достаточно трудно локализовать» [7, с. 80]. В этой ситуации особенно остро ощущается культурная эклектика, смешение стилей и направлений, что затрудняет концептуальное осмысление современной отечественной культуры с учетом ее целостного содержания.

Эти тенденции отчетливо проявляются в творчестве современных писателей в связи с реализацией стремлений выйти на качественно новый уровень восприятия мира и себя в нем, преодолеть существующую депрессию двойственного положения современного героя в системе антиномичных ценностей, что заставляет его принять, по выражению И. В. Сибирякова «парадигму ожидания» [6, с. 52]. В этом ключе значимым является обращение к творчеству Е. Гришковца. Будущий писатель родился в небольшом городе Кемерово, что отразилось в его творчестве в связи с представлением провинциального героя, характеризующегося естественностью в оценке своего мироощущения. Поэтому имя автора связывается с образом светлого, искреннего человека.

Дебютом Е. Гришковца стала пьеса с эпатажным названием «Как я съел собаку», в которой использовалась провакативная форма презентации рефлексивной модели авторского мироприятия. В 2005 г. была опубликована его первая повесть «Реки» – произведение автобиографическое, связанное с воспоминаниями и размышлениями о далекой родине. Решая проблему конституирования частного жизненного пространства, автор обращается к символическим образам, идентифицирующим его ценностные установки. Произведение включает в себя различные зарисовки и короткие истории из жизни самого писателя, что формирует автобиографическую доминанту образа автора [1]. Иногда эти авторские истории вызывают улыбку, иногда грусть, что связано с выражением эмоциональной палитры чувств «одного человека в одной очень большой стране». В повести представлены воспоминания о детстве, юности, студенческих годах – это «ностальгия: по времени, когда материальное не было определяющим; по проявлениям чувств – открытости, искренности; по гармонии, о которой мечтается, но которая не достижима в реальной жизни» [4, с. 103].

Сбивчивая манера повествования автора, ориентированная на эмоциональное самовыражение, формально нарушает структуру организации общего хронотопа повести. Так, герой, начиная рассказывать о медведе, представляет Сибирь, вспоминает родной город, который разделяла река, своего деда и его истории. В своем повествовании он не может остановиться на главном, появляются новые обстоятельства, и внимание тут же переключается на них. Поэтому развязка истории о том, как герой увидел медведя, происходит в самом конце повести, а до этого он говорит о кинотеатре в родном городе, о ледоходе на реке, об утопленнике, о старых дедовых фотографиях, о шахтерах, о нелепых иностранцах, о кабинете географии в школе, о том, как однажды он купил лапти у одного деда, о Гагарине, о морской свинке. Это повествование сопровождается множеством символических ассоциаций и ощущений, которые внешне не связаны с основной темой произведения. Однако герой Е. Гришковца сознательно пытается развить каждую историю в ее детальном воспроизведении, что способствует ее эмоциональному восприятию. Несмотря на то, что в повести пересекаются различные сюжетные линии, прерывающиеся размышлениями героя, все они объединены взаимодействием микрореконтекстов, которые становятся значимыми

единицами художественного текста. Вследствие их взаимодействия реализуется понимание целостного и динамичного пространства культуры, носителем которой является главный герой.

Символично в этом отношении то, что одним из центральных сюжетобразующих образов микроконтекста становится река. С этим образом связываются воспоминания о родном городе, с которым ассоциируется понимание своей причастности к *целому*: «В любом городе, который стоит на реке, есть правый и левый берег. Я родился и вырос ... не на том берегу, на котором родился и вырос мой дед. Старая часть города была всегда от меня отделена рекой, туда, где все происходило с моим дедом когда-то ... давно, туда вел мост» [2, с. 9–10].

Герой представляет сибирскую реку как темную, большую и значительную, противопоставляя ей чистую маленькую речку с быстрыми рыбками в Италии. Даже при обращении к эмоциональным переживаниям, произошедшим в детстве, когда герой на берегу реки увидел утопленника и долгое время не мог купаться, демонстрируется не страх, а скорее уважение к реке, «...в которой есть какая-то мощная обреченность, отчаяние и сила, которая чувствуется, даже если ты не знаешь, куда течет река» [2, с. 189]. В связи с этим история про ледоход очень показательна. Герой со своими друзьями отправился на реку смотреть ледоход. Зрелище было завораживающим, ребята радовались, кричали. День был солнечный, и герой то снимал шапку, то надевал ее снова, и вдруг выронил. Шапка упала на льдину. «Лед трещал, ломался, было так много движения, и картина ледохода беспрерывно менялась, но я долго видел, как крохотным черным пятнышком уплывала по реке моя старая шапка» [2, с. 61]. В этих историях автор демонстрирует мощь водной стихии, передает ощущение ее силы и неизбежности, что порождает символическое содержание образа реки, с которой связывается понимание родного города.

Другим сюжетобразующим образом микроконтекста становится Транссибирская магистраль, которая сравнивается с рекой: «А ниточка Транссибирской магистрали тянется, мерцая огоньками, как фарватер глубокой и мощной реки, и в ясную ночь, пролетая над Сибирью, можно видеть эти огоньки... А по бокам темнота» [2, с. 102]. Представляя Транссибирскую магистраль, герой ощущает не пространство или расстояние, а время: «В протяженности Транссибирской магистрали даже не чувствуется рассто-

яний. Между городами, что нанизаны на Транссиб, лежат не километры, а время» [2, с. 76]. И в ощущении этого времени складывается понимание конкретного места в контексте истории, которая представляется не как абстракция, а как жизнь деда, как события родного города, как воспоминание о пароходике, который привезли американцы по железной дороге, о старинном радио, которое стояло в спальне у деда и которое было приятно включать. Эти воспоминания становятся значительными в связи с осознанием истории в контексте личной жизни героя. Вспоминает старинное радио своего деда, герой задается вопросом: «...зачем я вспоминаю о нем и пытаюсь найти ему место в своей прожитой части жизни, жизни, которая уже там..., где в ней уже ничего нельзя изменить... ни убавить, ни прибавить?» [2, с. 112–113].

Понимание времени в символических образах реки, дороги приводит автора к раздумьям о том, что в потоке жизни устойчивым ценностным ориентиром остаются воспоминания о родном городе, о своей семье. Поэтому герой не может смириться с мыслью, что не знает, где похоронен его прадед и сохранилась ли его могила. У него остаются воспоминания о рассказах деда, более значимые, нежели исторически ценные наскальные рисунки первобытных людей, которые можно увидеть в пятидесяти километрах вниз по реке от родного города. В глобальной истории человечества нивелируются ценности, если в ней отсутствует личностное содержание, поэтому важной становится история семьи: «Зато в рассказах деда было достаточно исторической глубины и временных пластов. Достаточно, чтобы чувствовать себя не просто так оказавшимся в этом мире. Но это я чувствовал тогда, когда дед говорил, а я слушал» [2, с. 34].

Ценность истории определяется памятью главного героя. Его воспоминания – это эмоциональные переживания, которые становятся важными в связи с осознанием своей жизни. Поэтому герой так остро чувствует прохладу подъезда, в который забегал в детстве во время игры в прятки, болезнь в школьные годы, которая служила дополнительными каникулами и т. д. Но иногда память становится совестью, и поэтому сохраняется рефлексия по поводу совершенных поступков. Так герой вспоминает историю про покупку лаптей на одной станции, когда он с друзьями ехал на юг. Лапти продавал пожилой мужичок за совершенно смешную цену, герой купил их и не взял сдачи, а мужичок бежал за

поездом с протянутой рукой, в которой были деньги. Главному герою было стыдно, он терзался оттого, что не понял чего-то большого, светлого и важного: «Как же мне потом было стыдно! Я даже ушел в туалет и коротко расплакался. Мне было тошно и не хватало воздуха от стыда. Как я мог так сделать? Не ресторанному же халдею я оставил щедрые чаевые... Я ругал себя за ту манеру, в которой говорил с тем человеком на “ты”» [2, с. 140]. И вновь для Е. Гришковца становится важным акцентирование внимания на вопросах самоидентификации человека. Ощущение глупости, пошлости и бессмысленности поступка становится свидетельством рефлексии главного героя, связанной с осознанием самого себя. В этих историях ключевой становится проблема самидентификации героя в контексте реальных событий, переживание которых указывает на включенную позицию героя по отношению к самой жизни. Он рассказывает историю про женщину, которая бежала по улице и рыдала, и герой узнал в ее горе свое и понял, что другие тоже могут страдать, испытывать те же чувства, и никто не может им помочь: «И, увидев ее, я узнал, как выглядело мое горе» [2, с. 171].

Не случайно центральным сюжетобразующим символическим образом микроконтекста, который проходит через все произведение, становится медведь. Повесть начинается со слов: «Я только однажды видел медведя не в зоопарке» [2, с. 5]. А встречается с ним герой только в самом конце повести, перед отъездом из родного города. Встречу с медведем, который представляется в качестве мифического хозяина тайги, символизирующего Сибирь, можно трактовать как прощание героя с родным краем, суровым, мощным и одновременно очень красивым: «Медведь был очень красивый. Огромная голова и лоб, круглые уши и большой блестящий кожистый нос. ... Но грудь его была могучая-могучая. Солнце светило у меня из-за спины, его глаза и шерсть поблескивали» [2, с. 178]. Эти воспоминания становятся символическими в связи с ощущением значимости контекста идентификации героя произведения, который в его восприятии становится мифологическим.

Ассоциации и символические образы формируют множественность микроконтекстов повести, которые нарушают цельность хронотопа в его реальном измерении. Истории плавно перетекают из одной в другую, формируя особую атмосферу, насыщенную переживаниями и ощущениями главного героя. Автор пишет о простых

и, казалось бы, банальных вещах, но с такой импатией, что настраивает читателя на участие в представляемой истории. Во многом эта цель достигается благодаря творческому приему, который можно определить как «поток сознания». «Перед нами даже не “поток сознания”, а некий “поток осознания”: эмоция порождает эмоцию, мимолетный смысл – другой мимолетный смысл, и читатель оказывается активно вовлеченным в процесс порождения эмоций и смыслов, он занимает позицию сочувствующего соавтора» [5, с. 59].

Поэтому в монологах автора преодолевается локализация действия путем обращения к ассоциациям, порождающим ощущение его естественного развития. Эти ощущения передаются через особую рефлексивную позицию, в которой обращение к себе становится основой повествования. Так, например, герой обращается к себе с вопросами: «Болезнь... странное дело... Болезнь? Это странное состояние и занятие. Она происходит где-то внутри. Внутри организма, где-то в моих собственных недрах. И кажется даже, что она не имеет ко мне никакого отношения, как погода или время года» [5, с. 113].

Размышляя о стиле писателя, С. Ефросинин отмечает в качестве его главной особенности абсолютную бескомпромиссную доверительность. Исследователь пишет: «В общем-то, на первый взгляд кажется, что Гришковец пользуется довольно традиционным материалом реалистического письма. Письмо действительно реалистическое (пожалуй, даже с налетом натурализма). Но метод, который выработал писатель, отнюдь не традиционный. Я не ошибусь, если скажу, что практически все творчество Евгения Гришковца строится целиком и полностью на внутреннем мире одного конкретно взятого человека (не будем здесь прибегать к школьной формулировке «маленький человек» – у Гришковца человек не маленький, а нормальный, живой, в меру способный задумываться). Если быть точнее, то главной интенцией Гришковца как писателя является стремление к поиску тех условий, в которых человек может наиболее ярко ощутить, почувствовать действительность текущего момента» [3, с. 50].

Автор раскрывает перед читателем всю прелесть этих сиюминутных душевных порывов, выступая в роли сентиментального наблюдателя. Так, например, герой описывает свои ощущения, когда сдал последний экзамен в школе: «На подоконник стало капать... На подоконнике лежала

большая мертвая черная муха. Почему-то я запомнил и ее. Я стоял, видел все это, мне было хорошо. Не весело и не печально. Было хорошо. Но я чувствовал, что мне так, как не было раньше. И я даже почувствовал, что если постою так еще немного, то что-то пойму, что-то существенное...» [2, с. 121]. В арсенале у Е. Гришковца достаточно много подобных лирических зарисовок, в которых эмоциональное переживание становится ведущим принципом повествования: «Мы плыли и попали под дождь. Я первый раз в жизни видел дождь на реке в тот момент, когда я сам на середине реки. Дождь мощный, крупный, отвесный и теплый. Такой совершенно июльский дождь. Его было видно издалека. Он стоял стеной, под ним река рябила пятнами и была матово-серая. А там, куда дождь еще не дошел, она была блестяще-свинцовая. Мы быстро приблизились к дождю, въехали в него и тут же вымокли. Мы мчались через дождь и вскоре увидели, где он заканчивался, потом мы вылетели из дождя, на нас рухнуло солнце, и дождь остался позади... Поразительно!» [2, с. 104].

Увлеченность чувственным выражением смысла порождает особый язык, характеризующийся незавершенностью в построении высказываний. Этот стиль отражает типичные особенности современного языкового дискурса, ориентированного на разговорную лексику. Таким образом, с одной стороны, в произведениях Е. Гришковца воспроизводится типичная языковая модель разговорного стиля речи, отражающая неподготовленность, хаотичность и спонтанность речевого акта, с другой – реализуется авторская установка, связанная с выражением чувственного мировосприятия, порождающего контекст символических ассоциаций, значимость которых определяется личностными переживаниями героя.

В этой естественной манере повествования отчетливо проявляется стремление писателя к открытию ценностного содержания органических смыслов, определяющихся контекстом реальной жизни в ее непосредственном воплощении. Поэтому жизнь в произведениях Е. Гришковца состоит из «мелочей», которые важнее глобальных событий. И в этом ключе обращение автора к образам, взятым из провинциальной культуры малого города, является оправданным, в связи с актуализацией ценностей частной жизни, наполненность которой эмоциональными переживаниями формирует контекст

подлинных смыслов, определяющих самоидентификацию человека.

Библиографический список

1. Белова, Ю. С. Автобиографическая доминанта образа автора в повести Е. Гришковца «Реки» [Текст] / Ю. С. Белова // Наукові записки Бердянського державного педагогічного університету : зб. наук. пр. – Бердянськ : ФО-П Ткачук О. В. – 2016. – Вип. 10. – С. 142–147.
2. Гришковец, Е. Реки [Текст] / Е. Гришковец. – М. : Махаон, 2005. – 192 с.
3. Ефросинин, С. Актуальное одиночество Евгения Гришковца [Электронный ресурс] / С. Ефросинин // Новый Мир. – 2006. – № 11. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/11/ef12.html (дата обращения: 21.11.2017)
4. Ключникова, Е. С., Якушева, Л. А. Актуальное искусство: Е. Гришковец и его кинематографический опыт [Текст] / Е. С. Ключникова, Л. А. Якушева // Диалоги и встречи: русский и американский театр XX века : сборник материалов конференции (25–26 февраля 2012 г.). – Вологда : Легия, 2012. – С. 103–109.
5. Подлубнова, Ю. С. Современный литературный процесс. Проза 2000-х гг. : конспект лекций : в 2 ч. [Текст] / Ю. С. Подлубнова. – Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2009. – Ч. 2. – С. 94.
6. Сибиряков, И. В. Евгений Гришковец как «зеркало» современной российской художественной интеллигенции [Текст] / И. В. Сибиряков // Вестник Южно-Уральского Государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – № 1. – Т. 15. – С. 49–52.
7. Фоминых, О. Б. Региональная и провинциальная культура: некоторые характеристики [Текст] / О. Б. Фоминых // Время культуры в региональном пространстве : сборник научных трудов. – Курган, Курганский государственный университет. – 2010. – С. 74–84.

Bibliograficheskiy spisok

1. Belova, Ju. S. Avtobiograficheskaaja dominantna obraza avtora v povesti E. Grishkovca «Reki» [Tekst] / Ju. S. Belova // Naukovi zapiski Berdjans'kogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu : zb. nauk. pr. – Berdjans'k : FO-P Tkachuk O. V. – 2016. – Vip. 10. – S. 142–147.
2. Grishkovec, E. Reki [Tekst] / E. Grishkovec. – M. : Mahaon, 2005. – 192 s.
3. Efrosinin, S. Aktual'noe odinochestvo Evgenija Grishkovca [Jelektronnyj resurs] / S. Efrosinin // Novyj Mir. – 2006. – № 11. – Rezhim dostupa: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/11/ef12.html (data obrashhenija: 21.11.2017)
4. Ključnikova, E. S., Jakusheva, L. A. Aktual'noe iskusstvo: E. Grishkovec i ego kinematograficheskiy opyt [Tekst] / E. S. Ključnikova, L. A. Jakusheva // Dialogi i vstrechi: russkij i amerikanskij teatr XX veka : sbornik

materialov konferencii (25–26 fevralja 2012 g.). – Vologda : Legija, 2012. – S. 103–109.

5. Podlubnova, Ju. S. Sovremennyyj literaturnyj process. Proza 2000-h gg. : konspekt lekcij : v 2 ch. [Tekst] / Ju. S. Podlubnova. – Ekaterinburg : UGTU–UPI, 2009. – Ch. 2. – S. 94.

6. Sibirjakov, I. V. Evgenij Grishkovec kak «zeralo» sovremennoj rossijskoj hudozhestvennoj intelligencii [Tekst] / I. V. Sibirjakov // Vestnik Juzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo universiteta. Serija «Social'no-gumanitarnye nauki». – 2015. – № 1. – T. 15. – S. 49–52.

7. Fominyh, O. B. Regional'naja i provincial'naja kul'tura: nekotorye harakteristiki [Tekst] / O. B. Fominyh // Vremja kul'tury v regional'nom prostranstve : sbornik nauchnyh trudov. – Kurgan, Kurganskij gosudarstvennyj universitet. – 2010. – S. 74–84.

Reference List

1. Belova Yu. S. Autobiographical dominant of the author's image in E. Grishkovets's story «River» / Yu. S. Belova // scientific notes of Berdyansk State Pedagogical University: collection of articles. – Berdyansk : FO–P Tkachuk O. V. – 2016. – Issue. 10. – Page 142–147.

2. Grishkovets E. Rivers / E. Grishkovets. – M. : Makhon, 2005. – 192 pages.

3. Efrosinin S. Relevant loneliness of Evgeny Grishkovets [An electronic resource] / S. Efrosinin // New World. – 2006. – № 11. – Access mode: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/11/ef12.html (access date: 21.11.2017)

4. Klyuchnikova E. S., Yakusheva L. A. Modern art: E. Grishkovets and his cinematographic experience / E. S. Klyuchnikova, L. A. Yakusheva // Dialogues and meetings: Russian and American theater of the 20th century: collection of conference materials (on February 25–26, 2012). – Vologda: Legiya, 2012. – Page 103–109.

5. Podlubnova Yu. S. Modern literary process. Prose of the 2000-s: lectures: in 2 parts / Yu.S. Podlubnova. – Ekaterinburg : UGTU–UPI, 2009. – P. 2. – Page 94.

6. Sibirjakov I. V. Evgeny Grishkovets as «mirror» of the modern Russian art intellectuals / I. V. Sibirjakov // Bulletin of the Southern Ural State University. «Social humanities» series. – 2015. – № 1. – V. 15. – Page 49–52.

7. Fominykh O. B. Regional and provincial culture: some characteristics / O. B. Fominykh // Time of culture in regional space: collection of scientific works. – Kurgan, Kurgan State University. – 2010. – Page 74–84.